

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ МЕСТНОГО ЗВЕНА АППАРАТА УПРАВЛЕНИЯ РОССИИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЧИНОВНИЧЕСТВА

В.А. ИВАНОВ

*Калужский государственный
педагогический университет
им. К.Э. Циолковского*

На базе репрезентативного архивного материала – свыше 3 тыс. формулярных списков гражданских служащих присутственных мест Московской и Калужской губерний всех рангов от губернаторов до канцелярских служащих, исследуется социальный состав местного звена аппарата управления России середины XIX в., дается оценка политики правительства в области формирования чиновничества в дореформенное время.

Ключевые слова: социальный состав, местные учреждения, формулярные списки, дворяне, недворяне, разряды (группы) служащих.

Изучение социального состава управленческого аппарата дореформенной России и его местного звена в частности, имеет особое значение, поскольку позволяет выявить источники пополнения того слоя лиц, в руках которого находилась реальная власть и огромные массы населения, что существенно для правильного понимания эффективности механизма законодательных мер правительства в области формирования бюрократии. Однако, несмотря на всю актуальность этой темы, в ее изучении сделаны только первые шаги. В литературе имеются лишь сведения о социальном составе высшей российской бюрократии (членов Государственного совета, сенаторов, министров, товарищей министров, директоров департаментов) и верхушки губернской администрации (губернаторов, вице-губернаторов, председателей и управляющих палат, прокуроров) за отдельные годы¹. Что касается состава чиновников второго и третьего рангов, а также стоявшей вне Табели о рангах многочисленной группы канцелярских служащих, являвшихся основным источником формирования административных кадров, то полных погубернских и поуездных сведений по этому вопросу в отечественной и зарубежной историографии не имеется².

Цель данной статьи – исследовать социальный состав присутственных мест двух центральных губерний России – Московской и Калужской в середине XIX в. Решение этой задачи позволит выявить источники комплектования местного звена аппарата управления и увидеть реальные результаты политики самодержавия в области формирования бюрократии к концу николаевского царствования. Выбор губерний, характеризующихся общностью природно-климатических условий, социальной структуры, быта, национального и конфессионального состава населения, обусловлен, прежде всего, возможностью сопоставления чиновничества столичной губернии и, так сказать, рядовой.

¹ См., напр.: Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978; Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2001; Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989.

² В отечественной и зарубежной литературе приводятся количественные характеристики состава лишь некоторых присутственных мест ряда губерний (см., напр.: Морякова О.В. Система местного управления России при Николае I. М., 1998; Pintner W.M. The Social Characteristics of the Early Nineteenth-Century Russian Bureaucracy // Slavic Review: American Quarterly of Soviet and East European Studies. Vol. 29. No. 3. Sept. 1970. P. 429–443; Idem. The Evolution of Civil Officialdom, 1755–1855 // Russian Officialdom. The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. Chapel Hill, 1980. P. 190–249; Пинтнер У. The Nineteenth Century Provincial Civil Service. The Case of Kostroma // Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX вв.: Международная конференция. Чтения памяти акад. Л.В. Черепнина: Тез. докл. Ч. II. М., 1994. С.306–307.

Источником для изучения служат формулярные списки гражданских служащих 147 московских и 128 калужских губернских, уездных и городских присутственных мест, извлеченные из фондов РГИА, ЦИАМ и ГАКО¹. В общей сложности выявлено и статистически обработано 3003 формулярных списка чиновников и канцелярских служащих (московских – 1826, калужских – 1177). Корпус источников представляет собой исторически сложившуюся естественную выборку, охватывающую все категории служащих местной администрации (от губернаторов до мелких чиновников и канцеляристов). Репрезентативность случайно сформированной выборки по московским учреждениям составляет 57,6 %, калужским – 78,6 %.

Вначале остановимся на некоторых общих законоположениях, определявших порядок поступления на государственную службу в дореформенный период. В Уставе о службе гражданской по определению от правительства издания 1832 г., унифицировавшему законодательные акты в области формирования кадров для правительственного аппарата, при приеме на государственную службу во внимание принимались: социальное происхождение, возраст и уровень образования². По праву происхождения в учреждения гражданского ведомства разрешалось вступать потомственным дворянам, сыновьям личных дворян, священников, дьяконов православного, греко-униатского, армянского исповеданий, евангелических и реформаторских пасторов, купцов первой гильдии, приказных служащих, ученых и художников, не имевших чинов³, а также финляндских чиновников недворянского происхождения, занимавших в гражданском управлении Финляндии классные должности⁴. Важно подчеркнуть, что все вышеперечисленные категории населения имели право поступать на государственную службу независимо от полученного образования.

Лица, принятые на службу по своему происхождению, начинали ее с должности канцелярского служащего⁵. Исключение составляли только получившие классный чин выпускники высших учебных заведений, гимназий с преподаванием греческого языка и духовных семинарий⁶, определявшиеся (при наличии вакансий) на табельные должности. На общих основаниях запрещалось вступать в гражданскую службу следующим категориям населения и их детям: иностранцам, купцам второй и третьей гильдий, личным почетным гражданам, записанным в податное состояние, почетным гражданам из бывшей польской шляхты, вольноотпущенным, мещанам, отставным нижним военным чинам из недворян, церковнослужителям, евреям, за исключением отставных военных, имевших выслугу⁷. Следует отметить, что эти ограничения не распространялись на лиц, поступивших на службу до издания Положения 1827 г.⁸ и на выпускников высших и других учебных заведений, награжденных классным чином, а также обладателей ученой или академической степеней⁹.

Как видим, законодатель, стремясь обеспечить государственный аппарат профессионально подготовленными кадрами, снимал некоторые сословные ограничения в правила приема на гражданскую службу. Это свидетельствует о том, что государство

¹ РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф.1349. Оп.5. Д.64, 65, 67, 68, 73, 703, 850, 2033, 2287, 2289, 3158, 4685, 4937, 5739, 5906, 6523, 9172; ЦИАМ (Центральный исторический архив Москвы). Ф.54. Оп.176. Д.2768, 2770–2772, 2775, 2777, 2778, 2781, 2788, 2791; ГАКО (Государственный архив Калужской области). Ф.62. Оп.1. Д.3452–3454, 3604–3608, 3726, 3780–3782, 4065.

² Свод законов Российской империи (далее – Свод законов...). Ч. III, кн. 1. СПб., 1832. Ст.1.

³ Там же. Ст.3.

⁴ Свод законов... СПб., 1842. Ст.3.

⁵ Там же. Ст.43.

⁶ Там же. Ст.89, 162–163, 199.

⁷ Там же. Ст.4.

⁸ Свод законов... СПб., 1832. Ст.5. Примеч.; Свод законов... СПб., 1842. Ст.4. Примеч. «Положение о канцелярских служащих» от 14 октября 1827 г. всех канцелярских служащих в зависимости от социального происхождения подразделяло на 4 разряда: 1) потомственных дворян; 2) детей личных дворян, купцов 1-й гильдии, священников и дьяконов; 3) детей приказных, ученых и художников, не имевших классов; 4) купцов второй и третьей гильдий, иностранцев и выходцев из податного состояния (ПСЗ – I. Т.2. №1469). Положением запрещалось принимать на службу лиц, включенных в последний разряд.

⁹ Свод законов... СПб., 1832. Ст.8; Свод законов... СПб., 1842. Ст.5.

объективно не заинтересованное в проникновении в структуры управления недворян, принимая во внимание низкий образовательный уровень основной массы служащих, особенно низового звена, было вынуждено для замещения вакантных должностей привлекать на службу наиболее образованных, опытных и достойных людей из различных слоев населения. Иными словами, при решении кадровой проблемы обращало внимание не только на социальное происхождение, но и на образование лиц, поступавших на государственную службу. Таковы вкратце основные принципы политики правительства Николая I, устанавливавшие порядок вступления в гражданскую службу во второй трети XIX в.

Закономерен вопрос: в какой мере административные учреждения гражданских ведомств следовали этим законоположениям при комплектовании штатов губернских, уездных, городских присутствий и канцелярий? Как справедливо заметила Л.Ф. Писарькова, «мало изучить законодательство и понять, что хотело получить правительство в ходе тех или иных преобразований, – необходимо установить, к каким результатам привело осуществление этих проектов на практике»¹⁰. Приблизиться к ответу на этот важный и, пожалуй, главный для оценки правительственной политики в области формирования местной дореформенной бюрократии вопрос, мы попытаемся опираясь на массовый архивный материал.

Цифры показывают, что в составе местных органов власти потомственные дворяне по происхождению были в меньшинстве. В московском аппарате управления их насчитывалось 534 человека, или 29,2%, в калужском – 340, или 28,9%, т. е. в процентном исчислении почти столько же – чуть более 1/4 всех учтенных служащих. Примерно тот же процент дворян, что и в целом по губернии, был среди служащих уездных московских учреждений – 30,6, калужских губернских и уездных присутственных мест – соответственно 29,5 и 30,1. В московской губернской администрации численность служащих-дворян была выше. Здесь они занимали более 1/3 всех чиновных и канцелярских мест (37,4%). Среди чиновников и канцеляристов городских учреждений процент потомственных дворян был невелик. В системе городского управления Московской губернии их имелось 15%, Калужской – 22,6%. Сравнительно небольшой удельный вес служащих-дворян в городских канцеляриях по сравнению с губернскими и уездными объясняется тем, что большинство в них составляли мелкие чиновники и канцелярские служители (регистраторы, письмоводители, столоначальники), т.е. вспомогательный персонал, вышедший из разночинной среды.

Статистика выявляет процент потомственных дворян в учреждениях различной ведомственной подчиненности. В московских губернских учреждениях он варьировался от 30,2 (Министерство юстиции) до 45,4% (МВД), в уездных от 20,9 (Министерство финансов) до 48% (Министерство госимуществ); в калужских соответственно от 17,8 (Министерство госимуществ) до 56,4% (Главное управление путей сообщения и публичных зданий)¹¹ и от 16,8 (Министерство финансов) до 33,3% (МВД). В городских канцеляриях Московской губернии, подведомственных МВД лица дворянского происхождения составляли 17,8%, Министерству юстиции – 11,9%; в калужских соответственно 30 и 12,7%. Относительно стабильный состав дворян (около 1/3 от учтенного числа) зафиксирован в московских губернских присутствиях Министерства юстиции (30,2%), Министерства госимуществ (35,8%), Министерства финансов (33,3%), а также среди уездных чиновников МВД (33,1%) и Министерства юстиции (31,9%). В калужской администрации приблизительно такой же процент выявлен среди губернских служащих Министерства юстиции (31,2), уездных чиновников МВД (33,3), Министерства юстиции (32,2), канцелярских чиновников и служителей городских учреждений МВД (30). Таким образом, в системе местного управления ни в одном из ведущих ведомств, потомственные дворяне численно не превосходили выходцев из других социальных слоев населения.

¹⁰ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С.5.

¹¹ Учтены чиновники, числившиеся в губернской строительной и дорожной комиссии.

Рассмотрим распределение дворян по отдельным учреждениям. В губернских присутствиях столицы они занимали от 25 (приказ общественного призрения) до 59,3% (канцелярия губернатора) всех табельных и внетабельных должностей; в уездных от 15,8 (винные и соляные приставы) до 48% (окружные управления госимуществ), в городских от 14 (управа благочиния) до 27,3% (городнические правления). В органах губернского управления провинции от 17,8 (палата госимуществ) до 57,2% (канцелярия губернского прокурора); в уездных – от 11,9 (казначейства) до 75% (канцелярии уездных предводителей дворянства); в городских от 12,7 (канцелярии магистратов) до 35,8% (канцелярии дум). В системе управления Московской губернией дворяне составляли большинство только среди служащих канцелярии губернатора и канцеляристов, т.е. технического персонала дворянского депутатского собрания (53,5%). В пяти губернских учреждениях их насчитывалось приблизительно 1/3 (казенная палата, палата госимуществ, канцелярия прокурора, палата уголовного суда, губернское правление). В остальных трех губернских присутствиях (приказ общественного призрения, палата гражданского суда, совестный суд) только около 1/4 всех чиновников происходила из дворян.

В составе калужской администрации выходцы из дворянской среды преобладали над недворянами в канцеляриях губернского прокурора, губернского дворянского депутатского собрания, уездных предводителей дворянства, в строительной и дорожной комиссии. Менее половины служащих-дворян числилось в канцелярии губернатора, совестном суде, в окружных управлениях госимуществ, среди уездных стряпчих, винных и соляных приставов. Свыше 1/3 штатных должностей дворянам было отведено в городнических правлениях и в канцеляриях городских дум; более 1/5 – в казенной палате, в палатах уголовного, гражданского суда, в земских и уездных судах; от 1/5 до 1/4 – в губернском правлении, в приказе общественного призрения, в комиссии народного продовольствия. Менее всего дворян – от 11,9 до 17,8% состояло в палате госимуществ, в полиции г. Калуги, в уездных казначействах, среди чиновников и канцелярских служащих городских магистратов.

Итак, сопоставление данных о численности потомственных дворян по отдельным учреждениям, показывает, что их удельный вес был далеко не одинаков. В преобладающей части учреждений дворяне составляли меньшинство среди гражданских служащих. Относительно высокой их доля была среди служащих канцелярии московского губернатора, пожалуй, самого привилегированного учреждения в структуре губернского управления. И это не случайно. Для того чтобы попасть на службу в это учреждение подчас было недостаточно свидетельств о принадлежности к высшему сословию и полученных знаний. Требовались деньги, родственные и личные связи, авторитетные покровители. В канцелярию «хозяина губернии» шла служить дворянская молодежь не столько для получения источника средств к существованию (часть ее была неплохо обеспечена, и потому не зависела от службы материально), сколько ради перспектив служебной карьеры.

Рассмотрим показатели численности служащих-дворян и недворян по отдельным разрядам чинов¹². В столичной администрации потомственные дворяне численно преобладали над недворянами только в высшем разряде (III–V классы), в котором их насчитывалось 80%. Среди чиновников второго и третьего разрядов они на всех уровнях управления – губернском, уездном и городском, значительно уступали выходцам из других сословий. В губернских учреждениях второго разряда их было 46%, в уездных – 38,5%, в городских – 24,1%. Это соответственно в 2,2, в 2,9 и в 4,1 раза меньше, чем недворян. Среди чиновников третьего разряда дворяне находились уже в явном меньшинстве. В губернских присутствиях на их долю приходилось 34%, в уездных – 28,5%, в городских – 14%. Таким образом, мы замечаем, что в системе местных учреж-

¹² По Табели о рангах 1722 г. чиновничество подразделялось на разряды или группы. К высшему разряду относились чиновники I–V классов, к среднему – VI–VIII классов, к низшему – IX–XIV классов. Вне Табели находились не имевшие классов чинов канцелярские должности. В калужской администрации высшим чином считался чин IV класса (действ. стат. совет.), в московской – III класса (тайн. сов.).

дений столицы верхушка чиновничества была преимущественно дворянской по своему составу. В среднем и низшем звеньях управления потомственные дворяне составляли меньшинство. Несколько иное соотношение дворян и недворян среди табельных чинов выявлено в провинциальной администрации. Здесь дворяне преобладали не только в высшем, но и в среднем разрядах, составляя по губернии соответственно 66,7 и 55,4%. Среди чиновников третьего разряда зарегистрирован приблизительно такой же процент (расхождения не превышают 5,7) представителей дворянского сословия, что и в столичной администрации. Сыновья потомственных дворян в губернских органах управления занимали не более 28,3% всех классных мест, в уездных – 31,9% , в городских – 18,9%.

Таким образом, цифровой материал убедительно показывает, что в провинциальной администрации большинство (от 1/2 до 2/3) ключевых постов в высшем и среднем звеньях управления (губернатора, вице-губернатора, руководителей губернских палат, советников, ассессоров, земских исправников, городничих и т. п.) сосредоточивалось в руках потомственного дворянства. В третьем разряде в провинциальной администрации, как и в столице, решительно преобладали выходцы из других сословных и социальных групп.

Рассмотрим данные о количестве дворян среди служащих четвертого разряда – канцелярских служащих. Цифры свидетельствуют, что различия в численности дворян, служивших в местных органах управления в столичной губернии и в провинции, были весьма существенны. В калужской администрации дворяне составляли ровно 1/4 всех учтенных канцеляристов. В столичных учреждениях процент потомственных дворян был выше. Он равнялся 38,8. Эти факты говорят о том, что количество дворян, поступавших на гражданскую службу, начинавших ее с начальной ступени – должности канцелярского служащего в структуре местных учреждений столицы было больше, чем в провинции. Из этого следует, что в 40-е гг. XIX в. наблюдался постоянный приток молодых дворян на службу в канцелярии столицы. Однако, вскоре после получения канцеляристами первого классного чина (выходцам из высшего сословия для этого требовалось два года)¹³, часть из них по разным причинам (разочарование в службе, нежелание выполнять тяжелую, подчас утомительную низкооплачиваемую работу по переписыванию бумаг, семейные обстоятельства и т.д.) оставляла службу в местных канцеляриях, находя себе другие, более выгодные в материальном отношении служебные места.

В формировании местного чиновно-бюрократического аппарата помимо дворян в дореформенный период принимали участие представители других сословий и социальных групп населения: дети священнослужителей, обер-офицеров, приказных людей, купцов, мещан и т.д. Главным источником комплектования кадров для местных учреждений, как в столице, так и в провинции была духовная среда. В присутственных местах Московской губернии зарегистрирован 581 выходец из духовного сословия (31,8%), в калужских – 389, или 33,1%, т.е. ровно 1/3. В местных присутствиях выходцы из духовенства имелись среди служащих всех разрядов и ведомств. Однако распределялись они очень неравномерно. В высшем разряде значилось всего два чиновника, происходивших из духовного звания. Сыновьями священников были: 53-летний московский губернский прокурор статский советник К.М. Колумбов¹⁴ и 61-летний контролер Калужской казенной палаты статский советник М.Я. Флеров¹⁵. Первый окончил Пензенскую духовную семинарию, второй – Петербургскую духовную академию.

Исходя из сказанного, можно заключить, что абсолютистское государство в широких масштабах практиковало использование труда выходцев из духовного звания, которые в изучаемое время являлись основным источником, подпитывавшим местное административно-полицейское и судебное управление, как в столице, так и в

¹³ ПСЗ – II. Т. 9. № 7224.

¹⁴ ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 176. Д. 2770. Л. 1 об.

¹⁵ ГАКО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 3781. Л. 165 об.

провинции. Эта категория служащих замещала вакантные табельные и канцелярские места разной ведомственной подчиненности. При этом важно подчеркнуть, что в своей преобладающей части выходцы из духовного сословия числились на низших исполнительных (III разряд) и канцелярских (IV разряд) должностях. Среди чиновников средних рангов (VI–VIII) они исчислялись единицами, а в высшем эшелоне губернской власти – представляли редчайшее исключение. Это говорит о том, что даже наличие высшего духовного образования у части чиновников не гарантировало им занятия руководящих постов в системе губернского управления, которые за некоторым исключением, прочно удерживали в своих руках представители дворянского сословия.

Важным источником пополнения местных столичных и провинциальных присутствий и канцелярий была обер-офицерская среда, т.е. сыновья личных дворян (чиновников IX–XIV классов). В учреждениях Московской губернии они составляли 23,8% всех служащих, в калужских присутствиях – 20,9%. Источники свидетельствуют, что служащие, осознанно наследовавшие профессию своих отцов во втором, а то и в третьем поколении, замещали любые вакансии, предназначавшиеся для чиновников средних и низших классов, а также различные места в канцеляриях учреждений. (К чиновникам высшего разряда принадлежал только один выходец из обер-офицерской среды. Им оказался непреременный член Московского приказа общественного призрения, выпускник Московского университета 55-летний статский советник Е.Я. Смирнов, вступивший в эту должность еще в 1834 г.)¹⁶.

К детям личных дворян в системе местного гражданского управления близко стояли, служившие на разных должностях потомки приказных людей, т.е. канцелярских служащих, не имевших чина. В калужских учреждениях их удельный вес не превышал 10,3%, в московских присутствиях – 6,4%. Как видим, доля детей приказных служащих в общей массе гражданских служащих местного управления была небольшой. Это свидетельствует о том, что, несмотря на предоставление сыновьям канцеляристов равных прав с представителями других сословий при поступлении на гражданскую службу, доступ в ряды чиновничества для них был затруднен из-за их низкого социального статуса и уровня образования. Тем не менее, эта немногочисленная категория служащих, наследовавшая профессию отца, хотя и в малой степени, пополняла ряды профессионального чиновничества в изучаемое время.

Статистика показывает, что ряды местного чиновничества пополнялись также выходцами из купеческого, мещанского, крестьянского сословий, представителями малочисленных социальных групп и слоев городского населения (питомцы воспитательных домов, сыновья артистов, художников, почетных граждан, провизоров, врачей, вольноопределяющихся и т.д., и т.п.), уроженцами других государств, присягнувших на подданство России и их детьми. Однако, представители перечисленных групп, занимая различные, в том числе и выборные должности, были слабо представлены в системе местного коронного управления. Это подтверждают следующие данные. В московских учреждениях выходца из купечества, мещан, крестьян, других социальных слоев, а также иностранцы, в совокупности составляли 8,5%; в калужских присутствиях – 6,8%. Таким образом, мы убеждаемся, что численность вышеназванных социальных групп в местных органах управления, составлявших полноправную, образованную и компетентную прослойку служащих была мизерной. Это может быть объяснено не только малочисленностью этих категорий населения, но и тем, что, как уже отмечалось выше, после 1827 г., запрещалось принимать на гражданскую службу купцов 2-й и 3-й гильдий, иностранцев, выходцев из податных состояний. Такое право им предоставлялось только при наличии соответствующего образования.

Сделанные выше на основе сухих статистических данных наблюдения о социальном составе местной администрации и источниках ее формирования в дореформенное время можно подытожить следующим образом. Местное звено управленческого аппарата столицы и провинции пополнялось как представителями потомственного дворянства, так и социально ак-

¹⁶ ЦИАМ. Ф.54. Оп.176. Д.2778. Л.218 об. – 229.

тивными элементами из недворянской среды, которым разрешалось поступать на гражданскую службу по праву происхождения или образованию, что свидетельствует о социальной неоднородности состава местного управления. Несмотря, однако, на то, что недворяне занимали более 2/3 всех должностей, высший руководящий слой чиновничества, под контролем которого находились все нити управления губернией, был преимущественно дворянским. В местных столичных учреждениях потомственные дворяне преобладали среди чиновников высшего, а в провинциальных присутствиях – высшего и среднего разрядов. Это достигалось с помощью системы, прежде всего законодательных мер, основы которой были заложены еще Табелью о рангах, предоставлявшей дворянству привилегии при прохождении службы, например, в чиновничестве по сравнению с выходцами из социальных низов, что в свою очередь, указывает на продворянский характер законодательства о гражданской службе. Наивысшей социальной мобильностью среди недворянских элементов отличались порвавшие со своим сословием выходцы из духовного звания, численно превосходившие представителей других социальных групп, являвшиеся основным источником формирования среднего и низшего чиновничества, а также канцелярских служащих. Почти 1/3 всех должностей заполняли потомственные гражданские служащие, что не может не свидетельствовать об известной профессионализации управленческих и канцелярских кадров в системе местного управления.

В сословном отношении не выявлены различия в составе столичной и провинциальной администраций, табельного чиновничества и обслуживающего персонала учреждений, имевших общую социальную базу формирования. В качестве таковой выступали все слои местного населения, которые имели право вступления в гражданскую службу. Региональные особенности в комплектовании местного чиновничества хотя и имели место, но не были выражены столь заметно.

В целом можно сказать, что формирование состава местного управленческого аппарата от его руководящего звена до рядовых исполнителей, проводилось в соответствии с действовавшим в рассматриваемый период законодательством о государственной службе, устанавливавшим основные ориентиры не только социальной, но профессиональной и национальной политики государства.

SOCIAL COMPOSITION OF RUSSIAN REGIONAL AGENCIES OF THE MID-XIX CENTURY AS A REFLECTION OF THE GOVERNMENT POLICY IN THE FIELD OF FORMATION OF THE OFFICIALDOM

V.A. IVANOV

*Kaluga State Pedagogical
University by K.E. Tsiolkovsky*

On the basis of representative archival material – more than 3 thousand service records of the Moscow and Kaluga officials of all ranks from the governors up to the lower civil servants, is investigated social composition of the mid-nineteenth century regional agencies, the evaluation of policy of government is given in the field of formation of the officialdom in pre-reform period.

Key word: social composition, regional agencies, service records, noble, nonnoble, categories (groups) of the employees.